

На правах рукописи

003485665

Кротов Дмитрий Валерьевич

**СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ
ПРОБЛЕМА ВОСПРОИЗВОДСТВА**

22 00 04 – социальная структура,
социальные институты и процессы

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

– 3 ДЕК 2009

Ростов-на-Дону – 2009

Работа выполнена в ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет»

Научный консультант:	Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор Волков Юрий Григорьевич
Официальные оппоненты.	Член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор Горшков Михаил Константинович доктор философских наук, профессор Блинов Николай Михайлович доктор социологических наук, профессор Степанов Олег Васильевич
Ведущая организация	Институт социально-политических исследований РАН

Защита состоится «27» ноября 2009 г в 13 00 часов на заседании диссертационного совета Д 212 208 01 по философским и социологическим наукам в ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет» (344006, г Ростов н/Д , ул Пушкинская, 160, ауд 34)

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет» (344006, г Ростов н/Д , ул Пушкинская, 148)

Автореферат разослан «___» октября 2009 г

Ученый секретарь
диссертационного совета

М Б Маринов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Социально-трансформационные процессы происходящие в современном российском обществе заставляют по-новому взглянуть на социальное самоопределение молодежи, перспективы ее социализации и интеграции, участия в социальном воспроизводстве, но несмотря на социально-демографический кризис, сокращение доли молодежи в социально активном населении и общественном производстве, на те трудности, с которыми она сталкивается на этапе жизненного старта, на ухудшение ее социальных и социально-профессиональных качеств, молодежь остается мобилизационным ресурсом общества, поколением, которое определяет будущее российского общества и ее жизненные ориентиры референтны, влияют на ценности старших поколений

По отношению к проводимым преобразованиям молодежь, с одной стороны, демонстрирует высокую степень адаптации, осваивая новые социально-профессиональные ниши, стремится работать в частном секторе, активна в продвижении рыночных норм и правил. С другой стороны – значительная часть молодых людей испытывает комплекс исключения, не готова к восходящей социальной мобильности, привержена потребительским, а не трудовым ценностям. Очевидны дезинтеграция и социальное обособление от общества определенных социально-профессиональных и социально-территориальных групп молодежи. Большинство из них не интересуются политикой, безразличны к проблемам общественной жизни. В то же время высок процент сторонников радикальных, часто социально-экстремистских идей, ксенофобских и рационалистических предрассудков. В настоящее время среди молодежи доминируют рыночные, достиженческие оценки, однако ощущение нестабильности и незащищенности характерно для 60,1% молодых людей¹

Связано это с тем, что в отличие от старших поколений, испытывающих неудовлетворенность и дискомфорт потерей социального патернализма со стороны общества и государства, молодые люди не могут реализовать инновационный потенциал в условиях деформации и дисфункциональности рыночных и демократических институтов, слабой государственной политики, не направленной на поддержку молодежной инициативы, и, в не меньшей степени, неинституционализированности каналов артикуляции и презентации интересов молодежи.

Фактически сегодня молодые россияне вынуждены решать жизненные проблемы самостоятельно, либо надеясь на помощь семьи и знакомых. В современном обществе сложилась ситуация, когда население уже не верит в социальную эффективность государственных институтов, при этом уровень развития социального капитала, системы социальных сетей, норм и отношений социального доверия и социальной взаимопомощи слишком низок, что свидетельствует о социальной автономии, возможности безболезненно пережить переходный период от государственного патернализма к социальной самоорганизации и самореализации.

В настоящее время много говорится о социальных бедствиях старших поколений, их необеспеченной старости, возможности получать медицинскую помощь, нормально питаться и достойно отдыхать и как бы мимоходом упоминается о проблемах молодежи и то в аспекте социальной безопасности (наркомания, преступность, отрица-

¹ Чупров В. И., Зубок Ю. А. Молодежь в общественном воспроизводстве. М., 2000. С. 18

ние социальных добродетелей) А ведь молодежь, на наш взгляд, в большей степени претендует на статус группы социального риска, маргинализуется с вытекающими для общества деструктивными последствиями

В современном российском обществе формируются молодежная инфраструктура, организации, фонды, группы, которые хотя и охватывают небольшую часть молодежи, но демонстрируют отказ от сотрудничества с государством и нередко реализуют антисистемные стратегии Существует и «законопослушный сектор», причисленный к государственным структурам или политическим партиям и движениям Очевидно, что, действуя разрозненно и преследуя расходящиеся цели, указанные структуры предлагают только «массовый» социальный капитал

Социальный капитал российской молодежи – тема практически неисследованная в российской социологической мысли, но имеющая неоспоримое теоретическое и социально-практическое значение Во-первых, молодежь как мобилизационный потенциал общества, наиболее предрасположена к социально-инновационной деятельности, но только при определенном уровне социальной сплоченности Во-вторых, молодежь становится социальной группой с префигуративной культурой, выявляя тенденции развития, если действует «снизу», на уровне совокупности социальных микрофакторов В-третьих, необозначенность социального капитала в молодежной политике содержит практическую неэффективность молодежных программ, так как нельзя ожидать позитивных результатов там, где молодежь рассматривается либо как группа социальной опеки, либо как абсолютно несостоятельная для определения собственной судьбы Социальная сплоченность молодежи выражает и социальные связи, имеющие не меньшее значение для экономической и политической стабильности общества, чем развитие социальной инфраструктуры в жизни других социальных и социально-профессиональных групп

Степень научной разработанности темы. Концепция социального капитала относится к неклассической парадигме социального знания и связана с работами Дж Коулмена, выдвинувшего идею влияния на образовательные достижения молодежи навыков, представлений, привитых в семье и кругу близких, семейной культуры В работах Т Парсонса, Р Мертона, Ч Бидуэлла, М Троу, несмотря на ограниченность структурно-функционального анализа, рассмотрена социальная зависимость личностных компонентов и готовность к социальной интеграции, а также подчеркивается, что на состояние молодежи влияют не только «предложенные» нормы и совокупность институциональных ресурсов, но и то, что функционализм относит к культуре личности

Концепция социального капитала возникает по аналогии с физическим и экономическим потенциалами, но содержит показатели, позволяющие проанализировать «обратное» влияние общества на политическую стабильность и экономическое развитие

В исследованиях представителей неклассического направления Н Элиаса, П Бурдьё, Э Гидденса происходит поворот от социальных структур к взаимодействию, вводятся интерактивное и субъективное измерения² Известный социолог «общества индивидов», Н Элиас, использует структуры личности в связи с межличностными отношениями Выведение взаимозависимых индивидов позволяет характеризовать социальный капитал как уровень социальной взаимозависимости совокупных способностей,

² Корлюф Ф Новые социологии М., 2002 С 30

навыков, ресурсов, которые существуют у индивида, включенного в социальное взаимодействие. Выдвинутое Н. Элиасом положение о конфигурации, как форме взаимодействия индивидов направлено на выявление социальной сплоченности, как основного показателя социального капитала.

П. Бурдьё определяет свое исследовательское кредо в структурном конструктивизме, выходе на схемы социального восприятия, которые являются условием роста социального капитала, так как от их многообразия и направленности зависит степень сбалансированности тех или иных социальных ресурсов. Социальный капитал является способом перевода социальной самостоятельности на социальном микроуровне в интегрированность, включенность в социальные структуры, принятие или отклонение институциональных стратегий. Принимая социальные институты как конструкт отношений, Бурдьё подчеркивает, что условиями воспроизводства группы являются идентификация с определенным социальным институтом и социальная мобилизованность как группы, что можно классифицировать как социальный капитал, по сравнению с объективированными экономическими и культурно-символическими позициями.

Теория структуризации Э. Гидденса исходит из социального капитала, как совокупности интегративных ресурсов, способностей индивидов к взаимодействию, значительно расширяющих их возможности действовать в рамках правил и норм. Для Э. Гидденса существенным является то, что социальный капитал имеет как рефлексивное, так и социально-символическое измерение, социальный капитал определяет уровень деструктивного и практического сознания акторов, благодаря социальному капиталу акторы могут свести к минимуму непредсказуемые последствия своих действий.

В работах социологов постиндустриальной волны социальный капитал рассматривается, как важная характеристика современного общества, играющий определенную роль в социальном и экономическом развитии человеческих ресурсов. Э. Драйкер, Ф. Фукуяма, Л. Туроу, Дж. Бэлбрейт видят в социальном капитале возможности, возникающие из наличия доверия в обществе, ожидания того, что члены общества готовы к взаимопониманию и поддержке «власти демократии», которая в отличие от власти рынка заинтересована в минимизации последствий экономического неравенства.

А. Этциони, М. Кастельс, Р. Инглетарт определяют социальный капитал как результат деятельности сетевых структур, основанных на принципах коммунитаризма и ориентированных на воспроизводство социальных добродетелей. Социальный капитал предоставляет возможность «коммунитаризации» общества, использования «рыночной инициативы» и демократических прав и свобод для достижения децентрализованной коммуникации, возможности общества переопределить имеющиеся социальные блага между народными структурами и мелким бизнесом, государственными институтами и общественными ассоциациями. Готовность к таким переменам определяет молодежь, как поколение постматериалистической ориентации.

Российская социологическая мысль выделяет специфические черты молодежи, как социально-демографической и социокультурной группы, исходя из объективных (социально-статусных) и субъективных (социально-идентификационных) показателей. В исследованиях В. Т. Лисовского, И. И. Ильинского, Г. В. Осипова, В. А. Ядова определяются параметры социальной деятельности российской молодежи, ее социальная субъектность, связанная с пополнением группы социального резерва общества.

Ю. А. Зубок, В. А. Чупров, З. Т. Голенкова, В. А. Мансуров, Е. А. Гришина, Б. А. Ручкин делают акцент на социально-воспроизводственной функции молодежи, особен-

ностях социализации и социальной интеграции в современном российском обществе, различиях в доступе к институциональным ресурсам и каналам формирования молодежных идеологий

Д Л Константиновский, Г П Чередниченко, Н Е Покровский в своих работах рассматривают культурно-символический механизм социального взросления молодежи, особенности межличностных отношений в контексте глобализации и транзисии ценностей

Н Е Тихонова, Т К Горшков, Н Ф Черныш, А Л Темницкий предлагают ресурсный подход к структурным исследованиям формирования правил социального положения и социального самочувствия молодежи, который исходит из концепции капитала П Бурдье как «совокупности реальных и потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания»³ В исследовательскую схему включается анализ «полезных знакомств» молодежи, влияющий на формирование и реализацию жизненных стратегий сети связей индивида Молодежь, если следовать данной модели, действует по «логике присоединения», направляя свои усилия на наращивание неформального социального капитала

Таким образом, достигнуты определенные результаты в концептуализации социального капитала как социального взаимодействия, характерного для функционирования социальных сетей Сформировались конструктивно-структуралистский и ресурсный подходы к исследованию данной проблемы Первые шаги сделаны и в российской социологии путем анализа социального доверия и социальной сплоченности российского общества Вместе с тем социальный капитал не рассматривается дифференцированно, слабо используются критерии социального и территориального распределения социального капитала Обширная эмпирическая база не позволяет, однако, утверждать, что молодежное измерение социального капитала, нормы, правила, социальные сети стали самостоятельным предметом исследования Исходя из положений структурно-функционального анализа, социальный капитал ассоциируется с неформальными социальными отношениями, отклонениями от норм и удовлетворением латентных потребностей молодежи Отсутствие исследований по молодежному участию в социальном капитале также влияет на сужение отмеченной проблематики институциональными рамками и идентификационными стратегиями молодежи, которая, несмотря на определенный дефицит социального капитала, эффективно использует «сетевые нормы» для решения проблем трудоустройства, в поведении на рынке труда, позиционирования в политической жизни и ценностных ориентациях Социальный капитал как совокупность ресурсов, связанных с включенностью молодежи в социальные сети, влияет на ее идентификационный выбор, участие в массовых социальных практиках, интеграцию в общество в качестве самостоятельной социальной группы, что диктует выбор данной исследовательской проблематики

Целью данного исследования является анализ состояния и перспектив становления и роста социального капитала российской молодежи в контексте социального воспроизводства, ресурсообеспеченности и социального самоопределения в постсоветском обществе

³ Бурдье П. Формы капитала // Западная экономическая социология М., 2004 С 519

Реализация данной цели предполагает постановку и решение следующих **исследовательских задач**

- определение концепта социального капитала в социологическом знании,
- выявление особенностей производства и воспроизводства социального капитала российской молодежи в контексте социальных трансформаций российского общества,
- исследование структуры социального капитала российской молодежи как условие ее социальной ресурсообеспеченности,
- характеристика влияния социальной ресурсообеспеченности на социальную мобильность молодежи,
- определение степени влияния моделей социального взаимодействия российской молодежи на состояние социального капитала,
- характеристика состояния социальной сплоченности российской молодежи как как интегративного показателя социального капитала,
- анализ социального доверия в поведенческих моделях молодежи как условия наращивания социального капитала,
- исследование форм участия молодежи в жизни гражданского общества как ее вклада в формирование социального капитала,
- определение значения социальных сетей в формировании социального капитала молодежи,
- анализ значения неформального социального капитала в позициях молодежи для реализации жизненных планов

Объектом исследования является российская молодежь как социально-демографическая и социокультурная группа общества, имеющая определенные установки на принятие и использование социального капитала

Предмет исследования – социальный капитал российской молодежи как совокупность ее социальных ресурсов, ориентированных на институционализацию доверия и признание молодежи в обществе

Гипотеза исследования Социальный капитал российской молодежи, как совокупность возможностей, связанных с ее участием в социальном взаимодействии, включает преимущественно неформальные социальные нормы и правила, так как в условиях дефицита доверия к государственным структурам и слабой социальной самоорганизации молодежи, каналов артикулирования, делегирования групповых интересов и инструментальной ее активности, молодежь нацелена на рост социального капитала на социальном микроуровне и идентификацию с социально-сетевыми структурами Социальная сплоченность молодежи как интегральный показатель социального капитала выражается в осознании и реализации различий в межпоколенческом взаимодействии на уровне группового оптимизма и коллективных установок на формулу «успеха» Социальный капитал молодежи включает в себя так называемую «возрастную ренту», необходимую для усиления социальной защищенности, с одной стороны, и легитимации социального и политического индифферентизма,- с другой Такая асимметрия социальных отношений приводит к тому, что, имея высокий адаптивный потенциал в сфере экономики, молодежь занимает аутсайдерские позиции в социальной жизни, сосредоточивая интересы в отношениях «взаимовыгодного» взаимодействия, строит нормативные границы по логике «жизненного успеха», и интегрированности в социальные институты «частным образом»

Теоретико-методологической основой исследования выступают положение и выводы, которые содержатся в произведениях Э Гидденса, П Бурдьё, Ф Фукуямы о социальном капитале как совокупности социальных ресурсов, связанных с социальным доверием, взаимными знакомствами и признанием. Основываясь на идеях Н Е Тихоновой, В А Ядова, Ю А Зубок относительно социальной интеграции российской молодежи, ее социальной ресурсообеспеченности и приращения ресурсов посредством моделей сетевого взаимодействия, автор диссертации исходит из концепта молодежи как коллективного актора социального воспроизводства.

Методология диссертационного исследования строится также с учетом концептуальных разработок проблем социальной мобильности и социальной активности российской молодежи в трудах таких социологов, как З Т Голенкова, Д Л Константиновский, Е А Гришина.

Эмпирическая база исследования основывается на материалах социальной статистики Министерства образования и науки РФ, Министерства труда и социального развития, Госкомстата РФ, вторичного анализа эмпирических данных Института социологии РАН в 2005-2009 гг. Кроме того, автором проведено самостоятельное социологическое исследование в 2007-2009 гг с целью выявления основных показателей формирования и роста социального капитала молодежи. Использовался метод опроса. Выборка квотная. Для обоснования репрезентативности выборки применялся статистический подход.

Научная новизна исследования заключается в следующих позициях:

- выявлено, что социальный капитал как социологический концепт, определяет ресурсообеспеченность социальных групп и слоев на уровне сетей взаимодействия по сравнению с классическими подходами, делающими акцент на определении статусных показателей,
- обоснован конструкт исследования социального капитала российской молодежи по показателям включенности институциональных и неформальных ресурсов, что вносит определенную новацию по сравнению с традиционно используемой схемой молодежи в системе социального воспроизводства,
- выявлено, что социальный капитал по своей структуре не обеспечивает дефицитных социальных ресурсов, что понижает возможности ее референтности по сравнению с другими поколениями,
- определено, что уровень социального капитала молодежи не соответствует стремлению удовлетворить восходящую социальную мобильность молодежи, и гарантировать риски «нисхождения», что делает приоритетным снижение неопределенности, а не постепенную социальную карьеру,
- проанализированы модели социального взаимодействия молодежи, направленные как на использование институциональных ресурсов, так и на актуализацию неформального социального капитала, что расширяет знания о социальной самостоятельности молодежи, по сравнению с анализом только институционализированных практик,
- обосновано, что социальная сплоченность российской молодежи как интегральный показатель социального капитала ориентирована на создание условий для извлечения «возрастной ренты» и повышение адаптивного потенциала в сфере экономики, что определяет перенос исследовательских акцентов на социальные сети молодежи,
- охарактеризован уровень социального доверия молодежи, достаточный для воспроизводства норм и правил сетевого общения и неадекватный в контексте социальной и

социально-профессиональной интеграции, что требует переопределения каналов интеграции молодежи в современном российском обществе,

- определено, что в структуре гражданского общества молодежь ориентирована на диалог с государственными институтами по логике «присоединения» и поддержание позиции «нейтралитета» с целью минимизации избыточных социальных обязательств, что вносит определенную новацию в осмысление гражданских позиций молодежи,
- выявлено, что социальные установки молодежи носят инструментальный характер, определенные преимущественно участием в экономических практиках и в гораздо меньшей степени связанные с социальным самоопределением, что определяет необходимость осмысления социальной деятельности молодежи, направленной на поиск оптимальных сфер самореализации,
- обосновано, что неформальный социальный капитал, институционализированные ресурсы «знакомства» и «признания» ориентированы на установку молодежи к сетевым структурам и дистанцирование от идентификации с рыночными и демократическими институтами, требующими реализации определенных институциональных стратегий

На защиту выносятся следующие положения.

1 Концепт социального капитала как совокупность возможностей социальной самореализации индивидов и социальных групп в системе социального взаимодействия рассматривается в классической парадигме как социальные преимущества, связанные с социально-статусными позициями, и описывается как результат интегрированности в определенный социально-ролевой комплекс и исполнение функции социального воспроизводства. Неклассическая социологическая парадигма исходит из жизненных диспозиций индивида и смещения его активности на социальный микроуровень в связи с неопределенностью и нестабильностью структурных правил и ограничений и определяет социальный капитал как совокупность определенных социальных адаптивных и мобилизационных качеств индивида и группы, направленных на формирование сетей неформального взаимодействия и адаптацию коллективных ресурсов к схемам восприятия и жизненным целям

2 Социальный капитал российской молодежи содержит два основных параметра: а) формальный, связанный с идентификацией с основными социальными институтами и доступом к институциональным ресурсам, б) реальный, определяемый включенностью в систему социального взаимодействия, наличием полезных знакомств и социальной опеки, а также готовностью к совместным социальным практикам, ориентированным на реализацию групповых интересов. Поэтому, социальный капитал анализируется как по показателям интегрированности в социальную и социально-профессиональную структуру общества, так и по степени деятельности в сетях «неформальной кооперации», что обосновывает возмещение дефицита социального капитала в молодежной среде, ориентированной на социальную микросреду и двойственность социального поведения

3 Социальная ресурсообеспеченность российской молодежи в отличие от старших поколений опирается на приобретенный социальный опыт в условиях спрессованности рынка труда, узости социально-инновационного сектора и инструментальности взаимоотношений молодежи в социальной и социально-политической сферах, направляет усилия молодежи в основном на экономический и правовой секторы, что повышает значимость социального капитала как обмена на экономические ре-

сурсы при девальвации культурно-символического (образовательного) капитала, а также готовность к достижению жизненных целей, используя совместный ресурс, а не социальную инфраструктуру (гражданское общество)

4 Российская молодежь ориентирована на восходящую социальную мобильность, однако преобладание в обществе нисходящей социальной мобильности, малая эффективность традиционных каналов социальной мобильности вынуждают её использовать неформальный социальный капитал или ориентироваться на успех перемены профессии или включение в теневые практики. Ориентированность молодых на повышение адаптивного потенциала в экономической сфере приводит к ограничению восходящей социальной мобильности («уровнем доходов»), минимизирует возможности в наращивании дефицитных социальных ресурсов как базисного уровня социальной карьеры, что делает социальную мобильность «маркером» исключительно для взаимодействий со «своими» и усиления различий со старшими поколениями и «чужими» в молодежной среде

5 Социальное взаимодействие российской молодежи основано в основном на принятии инструментального активизма и включении модели «успеха». В первом случае она ориентируется на мобилизацию социальных ресурсов, прежде всего социального капитала, для занятия престижных позиций в сфере экономической жизни, обеспечивая сетевой капитал на определенных экономических и потребительских позициях. Во втором – участие в социальном взаимодействии связано с извлечением «возрастной ренты», стремлением пролонгировать транзитивный статус для уклонения от обязанностей (служба в армии, гражданская ответственность) или накопления ресурсов с целью получения преференций в ближайшем будущем. Социальное взаимодействие через «минимизацию и избирательность контактов» определяется дистанцированием от фундаментальных ценностей как альтернатива образу жизни старших поколений и сопряжено с социальными и экономическими рисками

6 Социальная сплоченность российской молодежи не достигает состояния эффективного социального капитала, так как она дифференцирована по социально-статусным, региональным различиям и не представляет мобилизованную социальную группу, демонстрируя повышенную консолидацию по поводу наступления на «индивидуальные свободы» или ограничение экономической активности, но будучи интегрированной в сети взаимодействия на социальном микроуровне конкурирует между собой в сфере распределения экономических и социальных благ. Социальная сплоченность молодежи ограничена групповым партикуляризмом, что ограничивает ее возможности в выработке универсальных социальных стандартов

7 Уровень социального доверия молодых людей, как способа повышения социальной определенности характеризуется позициями доверия к социальным сетям социальной микросреды и негативным восприятием социальных и государственных институтов, что способствует недоверию или созданию дополнительных механизмов «страховки» в взаимодействии с «другими», имеющих последствием партикуляризацию социальных позиций молодежи и переориентацию на неформальный социальный капитал, девальвирующий значимость социального доверия. Выборочный характер доверия молодых ориентирует на преобладание норм и правил сетевого общения в социальном взаимодействии, что приводит к взаимному отчуждению молодежи и формальных институтов

8 Гражданское общество в формировании социального капитала российской молодежи занимает нерепрезентативные позиции, так как социальные сети молодых россиян и институты гражданского общества разделены возрастными, представительскими и нормативными границами. Молодежные социальные сети воспроизводятся в неформальных социальных практиках, ориентированных на конвенциональные отношения и основанных на профессиональных, потребительских и региональных предпочтениях. Гражданское общество в России включает представителей преимущественно среднего поколения, интегрированных в институционализированные социальные практики, и позиционирует отношение к молодежи как социальному резерву в системе опеки и кооперации.

9 Гражданские установки в поведении российской молодежи не выступают ресурсом социального взаимодействия, так как направлены на защиту индивидуальных прав и свобод, сохранение и расширение приватной сферы, или рассматриваются как дополнительный ресурс достижения жизненных целей и по влиянию и способам реализации связываются с инструментальным активизмом молодежи. Нормы социальных сетей имеют для молодых россиян большую привлекательность, что определяется смещением активности в социальную микросреду, инструментальной интерпретацией гражданских норм и демонстрацией разрыва с коллективистским опытом старших поколений.

10 Неформальные социальные отношения имеют доминирующее значение для завоевания социальных позиций российской молодежью, так как в отличие от гражданских структур ограничиваются «минимальным» социальным доверием, опытом взаимного знакомства, не содержат нормативных границ и ориентируют на обзаведение полезными знакомствами в большей степени, чем позитивную легитимацию социальных приоритетов. Большинство молодых россиян уверены в значительном социальном эффекте неформального социального капитала по сравнению с поддержкой государства или дивидендами участия в гражданском обществе.

Научно-практическая значимость работы. Проведенный в диссертационном исследовании теоретический анализ социального капитала российской молодежи может быть полезен как при разработке концепции социальных отношений в целом, так и при осмыслении молодежной проблематики в настоящем. Сформулированные автором положения и содержащиеся в диссертации выводы могут быть положены в рекомендации по гражданскому воспитанию молодежи, социально-профессиональной ориентации и интеграции в жизнь российского общества и регионов.

Теоретико-методологические и практические результаты определяется актуальностью молодежной проблематики, а также потребностью осмысления последствий трансформации молодого поколения в современном российском обществе.

Материалы диссертации могут найти применение в высшей школе при чтении курсов социально-гуманитарных дисциплин, таких как общая социология, социология молодежи, социология семьи, социальная психология, экономической социологии, а также могут стать основой для дальнейшей разработки данной проблематики. Результаты исследования могут оказаться полезными при формировании конкретных социологических исследований в области социологии молодежи, молодежных программ и политики регионального и федерального уровня, а также различных направлений в области поддержки молодых россиян.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования докладывались и обсуждались на всероссийских и региональных научных конференциях, а также на Международных конференциях «Регионы Юга России вызовы мирового кризиса и проблемы национальной безопасности» (Ростов-на-Дону, 2009 г.), «Роль идеологии в трансформационных процессах в России общенациональный и региональный аспекты» (Ростов-на-Дону, 2007 г.), на III Всероссийском социологическом конгрессе «Социология и общество проблемы и пути взаимодействия», на Межрегиональной научно-практической конференции «Социализация молодежи Юга России в XXI в.» (Ростов-на-Дону, 2007 г.), Межрегиональной научно-практической конференции студентов и молодых ученых Юга России (Ростов-на-Дону, 2007 г.), конференции студентов, аспирантов и докторантов «Путь в науку» (Ростов-на-Дону, 2008 г.), Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения» (Ростов-на-Дону, 2008 г.)

Материалы исследования были отражены в 39 публикациях общим объемом 35,5 п.л., в том числе в изданиях перечня ВАК 11 статей объемом 6,2 п.л. Диссертация обсуждалась и была рекомендована к постановке на защиту в диссертационный совет на кафедре социологии, политологии и права Института переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Южного федерального университета

Структура диссертации обусловлена целью, задачами исследования и включает в себя введение, четыре главы, девять параграфов, заключения и списка литературы

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Во **Введении** обосновываются выбор темы, ее научная и социальная актуальность, раскрывается степень ее разработанности, определяются основные цели и задачи исследования, формулируются присутствующие в диссертации элементы научной новизны, излагаются тезисы, выносимые на защиту, демонстрируется теоретическая и практическая значимость работы, а также степень ее апробированности

В главе 1 **«Теоретико-методологические подходы к исследованию социального капитала»** рассматриваются теоретические аспекты проблемы социального капитала российской молодежи

Параграф 1.1 «Концепт социального капитала в системе социологического знания» посвящен анализу социального капитала, как аналитической и рефлексивной категории социологического знания

Социальная ангажированность, считает автор, проявляется в стремлении дать ответы на те или иные социальные запросы. Как социология молодежи во многом является «детисцем» студенческой революции 60-х годов XX в., так и концепция социального капитала интерпретируется в контексте социологии в связи с переменами в экономике, и переопределением социальной субъектности индивида, а также в том, что так называемое «политико-экономическое общество» не в состоянии обеспечить равные стартовые условия

Концепт социального капитала актуализирован американским исследователем Дж. Коулменом. Смысл дефинитивных нововведений – в устранении «неясности» данной дефиниции среды и реабилитации модели «рационального выбора». Исследователь подчеркивает инструментальный характер социального капитала. Для Коулмена исключительно важным представляется задача использования экономически рациональ-

ного поведения в статусе социальных систем⁴, и он отталкивается от норм экономического поведения, так как считает, что в самой социологии не сложились направления, которые бы определили условия «микро-макро-перехода» из плоскости двух связей в систему. По мнению Дж. Коулмена, попытка ввести в теории социального микроуровня нормы «справедливого распределения» как нормы взаимоотношений, только ограничивает теоретическую полезность, так как определяет действия индивидов в организации, исходя из предписанного стремления к справедливости⁵. Предложенная им концепция социального капитала основана на том, что социальный капитал представляет определенный вид ресурсов, доступный актору, то есть ресурсы, которые он может использовать для реализации своих жизненных стремлений.

Дж. Коулмен относит к социальному капиталу те социальные блага и добродетели, которые полезны и актуальны по условию доступности применения отдельному индивиду или группе.

По логике сравнительного анализа определено, что теория обмена (Д. Хоманс, П. Блау) содержит положения постулата успеха, закрепления действий, постепенно уменьшающих свою привлекательность, постулата экстраполяции, приложения успешного опыта на будущую деятельность, ценность действия, как возможность его воспроизводства, пресыщение внутри идентичности, если оно приносит частный и распространённый характер, агрессивность, как следствием неудовлетворенности награждением, воздействие превосходящих ожиданий, выбор между альтернативными действиями по принципу оптимизации, принятия конкретных решений в конкретной ситуации.

Позиция П. Бурдье выражает переход от социальной структуры, понимаемой как социальное поле, к социальному взаимодействию, конфигурации отношений между индивидуальными и коллективными акторами. В социальном поле консолидируется эффект взаимного признания и знакомства, без которых социальное взаимодействие было бы спонтанным, дезориентированным, не координирующим социальные группы. Очевидно, что для Бурдье социальный капитал выходит на уровень позиций индивида или группы, возможности социального влияния и, в конечном счете, соединения с символическим и властным капиталами. Среди форм доминирования и оптимизации социальный капитал характеризуется

- а) коллективным привлечением,
- б) замещением экономического и символического капиталов,
- в) отсутствием границ роста.

Таким образом, в современной социологической мысли обозначены два подхода к проблеме социального капитала: интеграционный, связанный с переходом от социального взаимодействия к социальным структурам, и конструктивистский, определяемый логикой легитимации к социальной демонстрации. В первом случае социальный капитал включает возможности рационального выбора на основе норм и правил, действующих в определенных формальных границах. Во второй исследовательской ситуации социальный капитал определяется ресурсообеспеченностью индивида как спо-

⁴ Коулмен Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*, 2001 – № 3 – С. 123.

⁵ Коулмен Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*, 2001 – № 3 – С. 124.

собностью кооперации социального опыта, конструктивности и узнавания, соединения позиций с диспозициями в реализации жизненных стратегий

В параграфе 1.2 «Особенности формирования и функционирования социального капитала в российском обществе» сделан анализ социального капитала в российском обществе с целью формирования теоретико-методологического конструкта исследования

Автор диссертации полагает, что российское общество завершило период слома прежней институциональной системы, а также формирование современных рыночных и демократических институтов. Следует отметить, что в обществе совершилась хабиитуализация нового социального порядка. Большинство граждан России понимают невозможность возврата к прошлой советской системе, хотя в обществе присутствует сильный социально-ностальгический синдром. Восприятие новых социальных реалий происходит в режиме вынужденной адаптации и социальное самочувствие россиян фиксирует беспомощность повлиять на происходящие события. Не удивительно, что на первый план выдвигается трансформационная активность меньшинства населения, владеющего экономическими и властными ресурсами, определяющими векторность социальных преобразований.

Предполагается, что социальная ресурсобеспеченность различных слоев российского общества складывается из их принадлежности к группам «влияния» или «неадаптированному большинству» и обладание социальным капиталом означает использование социальных связей для достижения экономических и властных позиций. Социальный капитал может выступать в формах

- а) номенклатурного бектраунда,
- б) принадлежности человека к группам «реформирующей инициативы»,
- в) профессиональной лояльности,
- г) принадлежности к криминальным группировкам

Такая схема социального капитала обязывает исключить из социологического анализа личностный социальный капитал, социальную инфраструктуру, с помощью которых осуществляются взаимодействие частного и общественного, отношения социального доверия, взаимопомощи и сплоченности.

Диссертант исходит из того, что российскую молодежь как социальный резерв и мобилизационный ресурс общества, относят к так называемым социально-инновационным, вовлеченным в социальные изменения, придерживающихся норм рынка и демократии. В качестве аргументации приводятся высокий уровень адаптации, прагматизм, ориентация на рыночные ценности, одобрение демократических норм и префигуративность социальных установок. В отличие от старших поколений молодежь настроена оптимистично, верит в будущее и полагается на собственные силы.

Социальную самооценку молодежи следует осмысливать с ее реальной социальной статусностью, а точнее, с социальной ресурсобеспеченности, включающей социальные взаимосвязи, социальную сплоченность, формы взаимодействия с другими социальными группами и поколениями, ее социальный капитал. И по данному показателю молодежь не выглядит «беспроблемной» социальной группой, отдающей предпочтения социально ожидаемым функциям, и стремится к согласованию интересов в отношениях с обществом и другими социальными субъектами.

Диссертант считает, что недостаточно проанализировать состояние социального капитала в российском обществе, важно выявить тенденции его формирования и

развития, особенно в той степени, что затрагивает интересы молодежи, группы, имеющей высокий адаптивный потенциал в экономике, но демонстрирующей суженный социальный интерес и не заявляющей о себе, как самостоятельной политической силе

В предложенном теоретико-методологическом конструкте отмечается существование социальных отношений на двух уровнях (институциональном и неформальном), но подчеркивается, что недостаток доверия на социальном мезоуровне возмещается уверенностью на социальном микроуровне. Надо сказать, и это презентативно для позиций молодежи, социальный капитал используется не для консолидации общества, а реализации групповых интересов, давления с целью получения социальных предпочтений. Но, как ни парадоксально, через образование микроассоциаций происходит убыстрение процессов институционализации социального капитала.

Теоретико-методологический конструкт, включает основные положения структурно-деятельностного подхода, идеи П. Бурдьё и Э. Гидденса, основанные на альтернативной интерпретации, отказе от концепции социальной эволюции и, соответственно, рассмотрении российской молодежи не через ее социально-воспроизводственную функцию, схему интеграции-деинтеграции, что привело бы к неадекватным выводам, а как носителя, субъекта социальных взаимодействий, направленных на реализацию определенных социальных целей. Такая перспектива позволяет выявить условия институционализации социального капитала молодежи в неформальных социальных сетях и их совокупный эффект может быть соотнесен с существующими официальными институтами и степенью понимания молодежью путей социальной кооперации и стабильности, обретения социально-статусных и социально-престижных позиций в российском обществе на федеральном и региональном уровнях.

Глава 2 «Социальный капитал как показатель социальной ресурсообеспеченности российской молодежи» определяется зависимостью социальной ресурсообеспеченности российской молодежи от состояния ее социального капитала, ее социальной капитализации.

В параграфе 2.1 **«Структура социального капитала молодежи и ее социальная ресурсообеспеченность»** исследуется проблема социальной ресурсообеспеченности молодежи, которая рассматривается как результат «смещенной» социальной капитализации.

По мнению автора, российская молодежь характеризуется наличием «формируемого» социального капитала, то есть с одной стороны, она выигрывает по сравнению со старшими поколениями по состоянию здоровья, возраста, владению современными информационными технологиями, социальной презентации. С другой стороны, молодежь заинтересована, вернее, ее не допустили к переделу собственности и обладанию монополей на природные ресурсы. Особенность социальной ресурсообеспеченности в России общество состоит в том, что наиболее «выигравшими» являются монополисты на природные и властные ресурсы, в то время, как культурный символический капитал, который традиционно «продвигает» молодежь, обесценивается и не обеспечивает даже умеренной социальной мобильности.

Вероятно, социальный капитал российской молодежи подвергается изменению в связи с ухудшением здоровья, как символического ресурса при дефиците социетальных (приобретенных) ресурсов, так как число нездоровых детей в отдельных регионах

достигает 90%⁶ Алкоголизация, наркотизация, инвалидизация молодежи угрожает существованию молодежи и ставит вопрос о перспективах молодежи

Российская молодежь находится в такой ситуации в связи с невозможностью использовать институциональные преимущества и может рассчитывать только на «уверенность в себе» Но также очевидно, что молодые люди не направляют свои усилия на сдвиги в структуре социального капитала, которые бы способствовали укреплению социальных позиций молодежи Во-первых, в структуре социального капитала молодежь получает то, что дает возможные преимущества, те навыки, знания, умения, которые бы позволили молодежи занять определенные позиции в экономике, политике по сравнению со старыми непрестижными отраслями Во-вторых, отсутствие сплоченности среди молодежи делает ее «отстающей» в защите своих коллективных прав и взаимодействии со старшими поколениями В-третьих, молодые россияне не стремятся соревноваться в обладании властными ресурсами, что делает их позиции уязвимыми, потому что культурно-символический капитал не дает возможности ощутить независимость или предложения компромиссов со стороны властных структур

Автор придерживается позиции, что именно структура социального капитала, смещенная в сторону индивидуализма и при этом не имеющая дефицитных ресурсов, ставит молодежь в позицию «коллективного индивидуалиста», отвергающего общество за то, что не замечает достоинств, которых так упорно придерживается молодежь Можно говорить о социальном нарциссизме молодых россиян, но такая оценка затрагивает возможности анализа социальной ресурсообеспеченности как свидетельства недоопределения молодежи в инновационных секторах экономики и социальной жизни

Говоря о социальной ресурсообеспеченности российской молодежи необходимо иметь в виду, что она ориентирована на использование недефицитных ресурсов, которые ставят ее в положение «борьбы» за доступ к неопосредованным материальным благам, когда развитие молодежи определяется тем, что она осваивает инновационные ниши, опережая старшие поколения в тех сферах, которые открываются в связи с применением новых технологий или культурно-символических кодов Конечно, в российском обществе есть секторы экономики, которые работают на молодежь (шоу-бизнес, одежда), но молодежь выступает группой потребителей, клиентов услуг Так называемая «молодежная индустрия» использует потребительские ориентации молодежи или формирует их, не взвешивая при этом социальный статус молодежи

По мнению автора, по структуре социальный капитал молодежи, отличается худшими показателями по сравнению со старшими поколениями Обосновано, что социальная ресурсообеспеченность молодежи держится на крайне низкой отметке, которая позволяет «рисковать», но не дает возможности для социального старта В пользу такого предположения можно отнести то, что российская молодежь отстраненно относится к, казалось бы, «выигрышной» позиции – самореализации Для молодых людей, которые постоянно испытывают стресс из-за неудовлетворенности социальных ожиданий, характерен поиск «неформальных возможностей», связанных с потерей независимости, нарушением прав, а самореализация ограничивается практическими критериями, критериями материального благополучия

⁶ *Зубок Ю А, Чупров В И* Тенденции социального развития молодежи в современном российском обществе М, 2006 С 56

Таким образом, социальный капитал «унаследован» молодежью с социальной ресурсообеспеченностью базисных социальных слоев, предоставляя ей только дивантные стратегии реализации и овладения риском. Именно «засилье» уверенности в себе, фактически возможной социальной неуверенности, ставит молодежь в состояние неопределенности. Хотя она демонстрирует желание не повторить опыт коллективизма или выживания старших поколений, уровень социальной ресурсообеспеченности молодежи слишком низок, чтобы считать гарантированными ее безопасность и карьеру в российском обществе. Наверное, проблема состоит также и в том, что, например, европейский средний класс утвердил свою систему ценностей, свою власть в ходе длительной социальной и политической борьбы с ценностями дворянско-крестьянского мира⁷. Российской же молодежи не пришлось участвовать в борьбе за утверждение рыночных и демократических институтов, гражданских ассоциаций. Молодые россияне воспринимают изменения, как данность, которую необходимо освоить, найти свое место, но при этом осознавать свой личный интерес, не имеющий отношения к социальным сдвигам. Иными словами, у российской молодежи отсутствует ресурс авторитета, влияния, чтобы быть авангардной группой, на которую бы общество взирало с чувством негодования или восхищения, но, главное, небезразлично. Позиции респондентов показывают высокую степень адаптивности молодежи, которая достигается приспособлением к правилам игры как сужению социального контроля, снижению статусных влияний и по такому критерию молодые россияне, в конечном счете, оказываются интересными самим себе и своему кругу близких.

Автор диссертации считает, что ресурсообеспеченность складывается из соединения традиционных недефицитных ресурсов, которые конфигурированы таким образом, что предоставляют для молодежи квазиспособы, за которыми скрывается возможность переменить профессию, изменить нормативные границы, если этого требует реализация целей и планов. Иными словами, молодые россияне подходят к использованию социальных ресурсов потребительски, располагая их по степени удовлетворения групповых и личных потребностей и интересов.

В параграфе 2.2 «Влияние социальной ресурсообеспеченности на социальную мобильность молодых россиян» анализируется влияние социальной ресурсообеспеченности на формирование и реализацию социальных перспектив молодежи.

Автор подчеркивает, что в российском обществе нисходящая социальная мобильность в четыре раза превосходит восходящую, т.е. для молодого россиянина возможность опуститься на социальное дно в четыре раза вероятнее, чем повысить свои социально-статусные позиции. Показательно, что 48% россиян в возрасте до 29 лет испытывают дискомфорт по поводу возраста⁸, т.е. практически каждый второй молодой россиянин уверен, что в обществе существуют «барьеры» для продвижения молодежи и воспроизводятся практические ограничения молодежи в реализации ее возможностей.

Выявлено, что общая установка на «умеренное материальное благополучие» не обнаруживает корреляции с восходящей социальной мобильностью, так как только 4% молодых россиян намерены заниматься собственным бизнесом, 2% – войти в политические элиты. Иными словами, материальное благополучие, как цель не ассоциируется у молодежи с личной карьерной лестницей. Социальные горизонтальные связи зависят

⁷ Куда пришла Россия? Итоги социальной трансформации. М., 2003. С. 293.

⁸ Российская идентичность в условиях трансформации. М., 2005. С. 337.

от политики, так как молодежь на уровне социальной кооперации способна решить важные для социального самочувствия проблемы, но социальная разобщенность российской молодежи превращает все ее без исключения проблемы в «политические», решаемые только при содействии властных структур

Однако если бы молодежь испытывала риск «спускания в бедность», она осознала бы потребность в идентичности, как социальной самозащите и социальном вознаграждении. Но парадокс состоит в том, что при недостаточной социальной ресурсообеспеченности молодые россияне выражают оптимизм, опираясь на помощь родителей или близких или демонстрируя ресурс возраста, желание «выделяться среди других». Не думается, что молодые россияне смотрят на мир через «розовые очки». Скорее, градация их тревог показывает, что в отличие от старших поколений они наиболее подвержены страхам «остаться без средств к существованию» или «потерять друзей» и воспринимают мир «жестким и жестоким». Оптимизм основывается именно на сознании самопомощи, респонденты предполагают, что если оказывать доверие к «другим» и государству, снижается социально-мобилизационный ресурс.

Автор диссертации считает, что социальная ресурсообеспеченность, связанная с опорой на собственные силы, фактически приводит к тому, что социальная мобильность воспринимается как способ социального самоутверждения молодежи.

Очевидно, что ставка на материальное благополучие, большие доходы ограничивает возможности молодежи в горизонтальной социальной мобильности, снимает влияние молодежи на профессиональном уровне, хотя молодежь склонна к перемене профессии (60% респондентов)⁹ и это не связано с горизонтальной мобильностью. Напротив, неудовлетворенность профессией и возможность получить другую основываются на низких доходах, отсутствии карьерных перспектив и, в гораздо меньшей степени, возможности самореализации и интересной работы. Молодежь не оценивает позитивно горизонтальную социальную мобильность, так как ее социальная ресурсообеспеченность не включает ресурсы гражданства и ассоциативности. Из позиций респондентов явствует, что молодые россияне не воспринимают оценку в молодежной среде, как фактор социального самочувствия. Вернее, молодые люди полагают, что важны самооценка, оценка близких или тех, кто стоит выше по статусу. Напрашивается вывод о социальном инфантилизме, но, на наш взгляд, необходима другая интерпретация. Во-первых, российскую молодежь нельзя заподозрить в романтизме и идеализме. Во-вторых, вступление в политическую жизнь производится в связи с доступным сроком образования и получением профессии, и в этом наша молодежь не отличается от зарубежных сверстников. В-третьих, молодые россияне демонстрируют качества «взрослой озабоченности», т.е. делают акцент на материальном благополучии и стремлении быстрее адаптироваться или не испытать «материальные лишения».

Автор считает, что доминирование в качестве цели успеха вынуждает молодежь действовать прагматично, т.е. отложить политическую карьеру и выбирать те сферы деятельности, о которых она полагает, что успех наиболее вероятен. Действуя по такой схеме, молодые люди сторонятся сферы материального производства, исходит из неустойчивости государственного сектора и оценивают по критерию полезности те или иные секторы социальной сферы.

⁹ Зубок Ю.А., Чупров В.И. Тенденции социального развития молодежи в современном российском обществе. М., 2006. С. 21

Таким образом, социальная мобильность молодежи определяется достаточно ограниченным критерием успеха. В пользу такого предположения говорит актуализм намерений, не содержащих готовности к инновации. Можно отметить дифференциацию способов достижения жизненного успеха, при которых общим основанием является низкая заинтересованность в дефицитных ресурсах, как возможности восходящей социальной мобильности. Молодежь испытывает потребность в укреплении социально-статусных позиций, стремится превзойти старшие поколения, родителей, не обременяя себя «избыточными» профессиональными и социальными обязательствами. Тем более спорно, что российское общество, как и американское, представляет социальную мобильность как культурное требование. Уходя от традиционных сфер с доминантой стажа, молодые россияне тем не менее наталкиваются на проблему эксклюзии, т. е., прежде всего неформальной сегментации, близости, узнаваемости, которые часто далеки от стандартов профессионализма.

В 3 главе «**Российская молодежь в системе социальных отношений: воспроизводство социального капитала**» рассматриваются позиции молодых людей в системе социальных отношений как субъекта социального взаимодействия, участвующего в воспроизводстве и производстве социального капитала.

В параграфе 3.1 «**Модели социального взаимодействия российской молодежи: тенденция «растратности» социального капитала**» дается классификация социальному взаимодействию молодежи и выявляются основные условия и цели ее социального взаимодействия с другими социальными группами и слоями, а также в молодежной среде.

Социальные взаимодействия в российском обществе мозаичны, т. е. не носят постоянного, регулярного характера, не связаны с координацией интересов основных социальных групп. Вернее, эта функция «отдана» на откуп государству, которое, однако, не выступает «субстратом», а представляет интересы госаппарата, государственной бюрократии и властвующих политических и деловых элит. Отсюда напрашивается вывод, что взаимодействия распределяются по градации: социальные субъекты (группы) – государство и государство же является «посредником» в межгрупповых отношениях.

Реально социальные отношения состоят из

- 1 участников (субъектов) отношений,
- 2 интересов, которые преследуют участники отношений,
- 3 способов согласования интересов (механизмов согласования).

Если судить по иерархии жизненных целей, социальные отношения являются привлекательными, необходимыми или эффективными для молодежи, если индивидуальные цели реализуются в социальном взаимодействии. Потребительские интересы доминируют над социально значимыми, обозначенными обществом целями (получить хорошее образование, устроиться на хорошую работу). Очевидно, что респонденты исходят из системы достиженческих целей, так как шансы на образование или получение хорошей работы имеют более высокую степень неопределенности, молодежь ограничивается постановкой и реализацией целей, которые близки и по критериям презентирования, и по возможности воспользоваться «родительским капиталом». Из исследованных позиций следует, что молодые люди настроены на инструментальную модель взаимодействия.

Выявлено, что инструментальная модель работает эффективно, если соблюдается принцип взаимных обязательств, однако молодые россияне привыкли ассоцииро-

вать обязательства с долгом, исходящим из обязанностей перед государством. Так называемое «исполнение обязанностей» (служба в армии, ученичество) ограничивает выгодные социальные отношения. Такие проблемы, как бедность, преступность, которые признаются молодежью, не влекут осознание обязательств. Считая, что бедность или преступность являются следствием вредных качеств отдельной личности или неудовлетворительной политики государства, респонденты по существу снимают вопрос о собственном участии в решении этих проблем, хотя бы на уровне формального одобрения / осуждения этих социальных болезней.

Из содержания диссертационного исследования следует, что социальное участие не представляется для молодежи основной ценностью, если это не влечет последствия для себя, для личной судьбы. Рассматривая тревоги, как общественные, исходящие из состояния социальных отношений, респонденты придают им характер опасностей, которых по необходимости следует избегать, конструируя собственную систему «стабильности» и «безопасности», тем, что является результатом собственных усилий, действия в кругу близких, понимания со стороны близких и друзей. Иными словами, наличие друзей, знакомств, близких рассматривается, как главный социальный капитал при ориентированности на инструментальные отношения.

По мнению автора диссертации воспроизводство инструментальных социальных отношений, взаимодействий по критерию «извлечения выгоды», когда «другой» вызывает интерес, если удовлетворяет или служит средством для удовлетворения потребностей, деформирует социальный капитал и как доверие (Р. Путнэм), и как систему социальных сетей (Д. Коулмен). Если исходить из того, что инструментальные социальные отношения продуцируют социальный капитал как доминирование, влияние, и не связаны с установлением взаимного доверия как избыточного в формуле «выгоды», то можно предположить, что в инструментальных отношениях социальный капитал не наращивается, а используется, выступает средством реализации целей. Иными словами, интегрированность молодежи в инструментальные отношения не повышает ее социальную ресурсообеспеченность. В пользу такого предположения говорит то, что молодежь вынуждена прибегать к заимствованию, т.е. использовать внутри молодежной среды капитал «полезных знакомств».

На наш взгляд, социальные ожидания, социальные претензии молодежи заявляются в рамках привычного успеха, отождествляемого с материальным процветанием, и молодые люди не претендуют на удовлетворение от известности, профессионального мастерства, если не происходит конвертации в финансовый капитал. Иначе говоря, институциональные отношения воспроизводят социальный капитал в узкой форме, т.е. происходит растрачивание капитала родителей или его «размен» на реализацию профанных целей. Хотя в инструментальных отношениях демонстрируется адаптационный потенциал молодежи, такая позиция не выводит ее за рамки «социального гетто», в котором она находится. Речь идет об установлении нормативных границ для самоопределения молодежи в бизнес-сфере и недопущении на влиятельные статусные позиции в политической и социальной жизни.

В результате исследования выявлено, что отношения социального партнерства оцениваются российской молодежью позитивно, но она не видит «достойных» партнеров ни в лице государства, ни в других поколенческих когортах. Во-первых, политика невмешательства государства в дела молодежи привела к тому, что государство воспринимается как носитель «беспокойства», привлечения проблем. Характерно, что чис-

ло тех, кто готов добиваться материальной помощи от государства, не превышает 3,3%. Также не пользуется авторитетом позиция «гражданского сопротивления» (1,7%)¹⁰. Таким образом, молодежь не желает быть ни в статусе «просителей», ни протестующих. Скорее, у молодежи складывается впечатление, что она не в состоянии повлиять на дела в стране. Во-вторых, молодежь не выработала формулу партнерства, которая бы удовлетворяла интересам всех социальных групп как участников социального взаимодействия. В-третьих, молодые люди не видят лидеров, тех, кто в состоянии адекватно и эффективно выразить их интересы. Респонденты считают, что действенное социальное партнерство достижимо, если молодежь будет воспринимать как социальный ресурс как сформировавшееся взрослое поколение с собственными социальными установками и интересами. Для молодежи важно, чтобы общество открыло дорогу молодым, чтобы сформировались бы каналы восходящей социальной мобильности и механизмы рекрутации в деловые и политические элиты.

В параграфе 3.2 «Социальная сплоченность молодежи и дисперсия социального капитала» подчеркивается, что социальная сплоченность, являясь конституирующей в формировании социального капитала, дефицитна в социальном взаимодействии российской молодежи.

Российское общество часто называют атомизированным, обществом, в котором реально разорваны социальные связи и не возникают навыки, основанные на общности социальных и профессиональных интересов. Молодежь как социальный резерв общества, всегда характеризовалась определенной степенью сплоченности, т.е. осознанием социальных и культурных различий по отношению к другим поколениям, и, вероятно, она подпадает под критерий «неузнаваемости», инновационности в выражении своих интересов в обществе.

Автор диссертации придерживается позиции, что молодые россияне тем не менее повторяют «путь старших» в том, что касается обязательств государства, но, при этом хотели бы быть «более независимыми». В условиях, когда среди молодежи, хотя и господствует позиция, что «от нас мало, что зависит», независимость трансформируется в социальное исключение и тем самым поддерживается «нелегитимный консенсус». Социальная сплоченность воспринимается как массовая защитная реакция на экспансию в символическую привычную сферу и индивидуальные свободы. Молодые россияне позитивно оценивают демократические ценности и уверены, что положение с правами личности более или менее стабильно, и поэтому бесполезно предпринимать коллективные усилия для защиты прав или социального достоинства.

Начеленность на негативную солидарность выражается в том, что молодые люди испытывают желание «дистанцирования» от идентификационных институтов. Рынок так же не является таковым, так как подавляющее большинство не готовы обзавестись собственным делом, работать ради будущего.

Автор считает, что молодежь так и не повернулась лицом к инновационной сфере, где проявилась бы ее востребованность в социальной сплоченности. Если в политике «все решают другие», если в социальных отношениях «правят деньги», то молодые люди настроены на создание параллельных сообществ, где возможно проявление социальной солидарности в позитивном смысле. Речь идет опять же о семье, круге

¹⁰ Зубок Ю. А., Чупров В. И. Тенденции социального развития молодежи в современном российском обществе. М., 2006. С. 68.

близких, тех, кто переживает подобную судьбу. Можно сказать, что, исходя из того, что «каждый хозяин своей судьбы», социальная сплоченность может состоять в сохранении некоторых нормативных границ «вмешательства извне», сопротивлении контролю молодежи в обществе на основе идеологической лояльности или ее низведения до той степени, что каждый оказывается «надеющимся» в ситуации неопределенности.

Итак, что социальная сплоченность как взаимодействие молодежи, ориентирована на выработку совместной позиции в решении молодежных проблем и переход ее в определенную социально стабильную общность выражается в определенных критериях, а именно: инициативности внутри молодежных коллективов, сохранении причастности к молодежи, как группе, имеющей собственные интересы, солидарности с другими поколениями.

На взгляд автора, молодежь не определила условия и пространство социальной сплоченности. Внутримолодежные контакты ориентируют на «деловые отношения» или досуг, развлечения, что не вызывает необходимости в постоянной социальной сплоченности, ее использовании как коллективного, группового социального ресурса. При этом, социальная сплоченность при формировании идентичности молодежи не имеет существенного значения. Молодежь позиционирует близкие взгляды не потому, что ощущает свою сопричастность молодежи, а исходя из «опоры на собственные силы», даже когда реально нуждается в социальной помощи. Если отсутствуют социальные ресурсы и достиженческий уровень не дотягивает до «адаптации», молодой человек может «окунуться» в молодежную среду в поиске «суррогатов», замещения жизни (алкоголь, наркотики, развлечения, связанные с криминалом). Исследователи с тревогой отмечают рост девиаций в молодежной среде, доля которых в составе населения постоянно сокращается, но возрастает тенденция криминогенности, социального аутсайдерства, цинизма.

Выявлено, что социальная сплоченность необходима для повышения социально-статусных позиций по сравнению с другими поколениями или выполнения роли «локомотива социального развития». Ни на одну из этих позиций молодежь не претендует, социальная сплоченность не выстраивает внутримолодежные отношения, в которых доминируют «деловитость» или досуг. Культурные традиции и религиозные предписания также не выполняют роль «интегратора» молодежи. Имеет место подчеркивание возрастных различий в легитимации «стремления жить легче, чем старшее поколение», но такая размытая установка не нацеливает на социальную сплоченность. Существующие расхождения между личной самооценкой и оценкой молодежи как поколения дают основания утверждать, что молодые люди избегают групповой сплоченности как ограничения их жизненного выбора. В такой же степени молодежь минимизирует социальную сплоченность как противодействие претензиям по отношению к ней (альтруизм, цинизм, нежелание работать). Такие «менторские» инструменты социальной сплоченности определяют социальное доверие, как социальный капитал, в молодежной среде.

В параграфе 3.3 «Дефицит социального доверия молодежи как самоограничение социального капитала» определяются системные и позиционные рамки социального доверия в социальном взаимодействии российской молодежи.

Социальное доверие или недоверие – это своего рода ресурс, капитал, который мы приводим в движение, делая свои ставки в контактах с другими людьми¹¹ Российская молодежь демонстрирует образец того, что является следствием недостатка социальной уверенности, которая возрастает на фоне недоверия как к сверстникам, так и к представителям старших поколений

У 80% молодых людей взгляды на то, что происходит в стране, совпадают с родительскими, и, казалось бы, есть основания для межпоколенческого диалога, социальное доверие не применяется как социальный капитал. Но необходимо с связи с этим заметить, что доверие индивидуализировано, воспринимается как выбор, а не норма. Молодежь склонна копировать родителей, находясь от них в материальной зависимости, но стремится подчеркнуть идентичность совпадающих позиций для определения своего возрастного статуса. Она считает, что есть проблемы взрослых и в этой ситуации лучше стоять на позициях конформизма. Вероятно, сходство взглядов обнаруживается по тем позициям, которые не принадлежат к жизненным целям молодежи.

По мнению диссертанта, так как 70% молодых россиян уверены в том, что могут, как минимум, воспользоваться социальным капиталом родителей, а 60% уверены в том, что добьются большего, можно предположить, что молодежь считает, что лучше приспособлена к новым условиям и обладает знанием, как добиться успеха¹². Поэтому она испытывает недоверие к советам родителей, если это касается способов реализации целей и демонстрирует независимость в выборе инструментальных ценностей. Доверие в молодежной среде имеет целью устройство защитных барьеров, т.е. носит целенаправленный, практический характер. По крайней мере, молодые люди уверены в том, что их не подведут сверстники в три раза меньше, чем представители старших поколений.

Выявлено, что настроенные на постепенную карьеру молодые люди недоверяют окружающим, будучи уверены только в том, что следует постепенно приближаться к цели. Их недоверие интуитивно, т.е. они предполагают, что их партнеры и коллеги будут действовать по правилам, не вникая в ценностные предпочтения. Эта позиция выражается в том, что доверять можно только близким людям. Отсюда и желание продемонстрировать сходство позиций именно с близкими людьми. Собственно, доверие молодежи носит либо инструментальную направленность, либо то, что Р. Дарендорф называет открытыми ожиданиями, либо затрагивает сферу легитимной деятельности, новых проектов, что является следствием недоверия к государственным и социальным структурам.

Можно сказать, что в обществе с высокой степенью социального доверия между правоохранительными органами и населением устанавливается взаимодействие, т.е. кто склонен совершать преступления, находятся под негласным социальным контролем. В обществе, где человек видит в незнакомце потенциальный источник риска, страхи мотивируют поведение людей в пользу минимизации контактов. Проблема социального доверия обнаруживается в недостатке формализации, т.е. население склонно перекладывать ответственность за борьбу с преступностью на правоохранительные органы, не доверяя им и не соглашаясь на сотрудничество в рамках выполнения гражданских обязанностей. Российская молодежь также опасается «проблем трудоустройства», что

¹¹ Штомпка П. Социология. М., 2005. С. 326.

¹² Ильинский И.М. Образовательная революция. М., 2002. С. 82.

имеет определенный доверительный контекст, так как главным фактором, определяющим перспективы трудоустройства, практически являются «полезные знакомства» Дефицит социального доверия влияет на то, что человек оценивается по принадлежности к «своим», а не по критерию профессионализма и поэтому молодые люди не стремятся к социальному доверию, основанному на универсальных принципах эмпатии, профессионализма и взаимопонимания Для них важно обзавестись «нужными связями», доказать полезность в кругу тех, кто поможет решить жизненные проблемы, связанные со вступлением во взрослую жизнь

Определено, что неспособность оценивать социальное доверие как шанс, ориентирует на перемену работы или профессии, что было бы рационально в условиях вариативного рынка труда, но в связи с его спротоограниченностью и доминированием неформальных правил приема на работу, молодежь попадает в ситуацию неопределенности Во-первых Во-вторых, возникает «бумеранг недоверия» со стороны предпринимателей и государственных структур, если претендент за короткий срок меняет три-четыре места работы Таким образом, отношения в коллективе, основанные на социальном доверии, понижают неопределенность и позитивно влияют на достиженческую способность, в отличии от тех ситуаций, когда отношения безразличные или функциональные, и существует «конвейерный подход» к проблеме подбора кадров и оценки его деловых и социетальных качеств

В диссертации содержится положение, что социальное доверие является потребностью 20% молодежи, тех, кто нуждается в социальной помощи или не стыдится заявить о своем одиночестве «Предприимчивые» и максималисты – те, кто верит в успех или опирается на семейный капитал, привыкли жить в достатке, полагают, что доверие имеет только инструментальное значение, и ограничивают его значимость кругом близких, считая, что социальное доверие не распространяется на «бедную» молодежь, на студенчество Но от такого переноса социального доверия страдает молодежь в целом Во-первых, молодежь воспринимается как потерянное, с изрядной долей социального нигилизма поколение Во-вторых, уверенность в себе, проповедуемая большинством молодых людей, не вызывает сопереживания из-за завышенных социальных позиций и нежелания «присоединяться к другим»

Как отмечает автор, современные юноши и девушки выбирают в окружающем социуме рациональную тактику и стратегию поведения и общения Более половины предпочитают стандарт двойственного поведения одно - жесткое - для деловых отношений, другое – доброе - для близких людей (59,2%)¹³ Так называемое «двойное поведение» можно назвать адаптивным потенциалом, который относится с недоверием к обществу и своим сверстникам Важно подчеркнуть, что молодые люди не испытывают повышенного доверия к своему поколению по сравнению со старшими поколениями

Однако социальное доверие в аксиологическом измерении как ценность общения, которая может стать капиталом в налаживании диалога внутри молодежной среды и по отношению к обществу, воспринимается как «идеал», при этом респонденты ссылаются на то, что они живут в жестоком обществе, где можно, в конечном счете, доверять только себе

Итак делает вывод автор, если молодые россияне не рассматривают социальное доверие как самостоятельный социальный ресурс, как возможность консолидации и

13

Положение молодежи России и реализация государственной молодежной политики М., 2007 С 62

реализации ее социального интереса, то доверие воспринимается как «ограниченная сила», которую нужно применять добровольно и избирательно в зависимости от конкретной ситуации. Некоторое доминирование «свободы» над «доверием» выявляет то, что молодежь считает индивидуальные свободы, частную сферу, как сферу добровольного выбора от доверия, якобы служащего способом реализации жизненных планов. Тем самым признается, что человек может быть свободным, если действует, делая ставку на недоверие.

Глава 4 «Гражданские позиции молодежи в российском обществе. возможности диверсификации социального капитала» содержит анализ участия российской молодежи в гражданском обществе как пространстве диверсификации социального капитала.

В параграфе 4.1 «Участие молодежи в организации гражданского общества» исследуется роль молодежи в организации и функционировании нарождающегося гражданского общества как сферы социального капитала молодежи.

В диссертации отмечается, что в гражданских ассоциациях участвуют всего 2% молодежи. Данная доля молодежи, конечно, не отражает сегмент молодежи в социальном взрослом населении. На наш взгляд, российская молодежь ориентируется на социальную микросреду, и гражданский сектор не совпадает с жизненными целями молодежи, которая стремится к семейному и личному счастью, интересной работе и хорошим заработкам.

По декларируемым целям гражданские ассоциации призваны удовлетворять потребности различных групп населения в экономической сфере легальными средствами. В российском обществе сфера неполитического подчинена «профессиональной политике», и молодежь, которая не доверяет политическим партиям и политикам, не может реализовать свои социальные интересы на групповом уровне или во взаимодействии с другими поколениями.

Выявлено, что в жизненных предпочтениях молодых россиян – семейная жизнь, хорошее образование, престижная и интересная работа, обладание собственным бизнесом, развитие – оказываются почти соприкасающимися с целями гражданского общества. Подчеркивается, что за проблемами сужения социального интереса скрывается целый спектр постановки десубъективации молодежи, выражающий то, что приравнено к модели успеха – сфера бизнеса, а остальные сферы не достойны приложения индивидуальных усилий и не гарантируют изобилия и свободы. Но, как отмечалось, всего лишь 2-4% молодых россиян заявляют о готовности заниматься собственным бизнесом, хотя профессия бизнесмена по-прежнему занимает одну из ведущих позиций. В реальных планах молодежи большое место занимает государственная служба или выгодная работа в крупных компаниях. Такая позиция сочетает рыночные и традиционные мотивации: высокие заработки и стабильная работа, снижение риска и деловая карьера.

Автор диссертации полагает, что молодые россияне, которые могли бы стать резервом гражданского общества, стремятся сделать деловую карьеру. Необразованная, социально пассивная часть молодежи ориентирована на семейную и личную жизнь, выживание или «молодежные забавы».

По мнению автора, анализ позиций молодых людей выводит на следующие предположения. Во-первых, российская молодежь не доверяет политическим партиям и не считает, что участие в их деятельности как-то решит ее жизненные проблемы. Во-

вторых, молодые люди не склонны и к протесту, баррикадному поведению. Абсолютное лидерство занимает позиция «изыскания дополнительных заработков», что свидетельствует о повышенной адаптивности молодежи, но сомнительны ее навыки приспособления по сравнению со старшими поколениями. Дело в том, что молодые россияне ориентированы на практические схемы «делания денег», но такие позиции, вроде бы благоприятные для снижения социальной напряженности, усиливают отчуждение молодежи. Российский рынок труда спрессован и ориентация на поиск «дополнительных заработков» усиливает конкуренцию между молодежью, выталкивает ее в теневые практики и оставляет в неопределенном виде актуальные проблемы молодежной жизни. Более того, происходит стимулирование молодежной безработицы, поскольку есть возможность держать «резерв рабочей силы». Ухудшается и состояние прав молодежи, так как выросло число тех, кто готов в обмен на «зарботки» соглашаться с нарушением трудовых прав (непредвиденные отпуска, ненормированный рабочий день, отказ от уплаты пособия по болезни). Молодое поколение демонстрирует не столько адаптивность, сколько возможность наступления на ее социальный капитал. Позиция «поступят так, как поступят родители», с одной стороны, выявляет зависимость молодежи от положения родителей, с другой – ее социальный инфантилизм, желание «не иметь собственного мнения», собственной позиции.

Участие молодежи в структурах гражданского общества определяется

- созданием условий для участия молодежи в социальных гражданских ассоциациях,
- готовностью молодежи к участию, пассивной или активной поддержке гражданских институтов

На взгляд диссертанта, участие в гражданском обществе, хотя и не стало формой приращения социального капитала российской молодежи, обозначилось два важных момента. Во-первых, молодежь «почувствовала» вкус к самостоятельным позициям и пресекает всякие попытки «выступать от ее имени» или настаивать на контроле за молодежью. Во-вторых, опираясь на прагматическую доминанту и стандарты «великодержавности», респонденты осознают, что существуют интересы общества и интересы государства, что граждане должны каким-то образом контролировать деятельность государственных структур и уметь отстаивать свои индивидуальные и коллективные права. Молодые люди не могут принять протестный потенциал некоторой части «старшего поколения», им присуще желание действовать рационально, находить выход из создавшихся трудностей.

По отношению к участию в гражданском обществе обозначились прагматические и защитные «составляющие». Вероятно, переход от гражданской пассивности к тому, чтобы молодежь хотя бы допускали к обсуждению молодежной политики, не наступит завтра. Молодежным структурам еще предстоит доказать, что они опираются на доверие молодежи, а не являются виртуальными проектами. Молодые россияне по мере расширения участия в гражданском обществе, как пространство отстаивания своих прав и социальных завоеваний укрепляют сферу гражданской жизни, неполитических отношений, влияющих на молодежную политику.

В параграфе 4.2 «Гражданские нормы и нормы социальных сетей» обосновано, что принятие гражданских норм российской молодежью характеризуется конкурентностью с нормами социальных сетей в условиях преобладания индивидуалистических стратегий.

Автор диссертации исходит из предположения, что в российском обществе сформировалась сфера, которая замещает в большей степени гражданское общество и ослабляет влияние государства. Речь идет о социальной микросреде, на которую ориентировано в жизненных целях большинство молодежи. Нельзя социальную микросреду ассоциировать в целом с до-социальными отношениями, которые еще в период тотального государственного и идеологического контроля обеспечивали иллюзию «свободы» и давали возможность социального расщепления, социальной «шизофрении». Однако и увидеть в социальной микросреде зону гражданского общества при всем старании не удастся.

Для определения роли гражданских норм и норм социальных сетей в формировании социального капитала российской молодежи придется осветить, по крайней мере, на три существенных момента. Во-первых, проанализировать позиционирование норм в поведении молодежи. Во-вторых, выявить спологическое измерение указанных правил и норм. И, в-третьих, градуировать их в зависимости от обеспечения социального капитала, их капиталоемкости.

Сегодня, что практически каждый второй россиянин убежден, что не в состоянии защитить и воспользоваться своими правами. Это обстоятельство оказывает влияние на гражданские позиции, с которыми и увязываются права личности.

То, что только каждый пятый россиянин озабочен правом частной собственности, свидетельствует, что российское общество не стало обществом свободных собственников. У молодежи иметь собственность сводится к традиционному советскому ассортименту (квартира, автомобиль) и не является условием соблюдения гражданских норм. В позициях российской молодежи просматривается интерпретация гражданских норм, как регуляторов социального уровня. Нормы неэффективны в условиях неравенства перед законом и неравенства возможностей.

Выявлено, что респонденты не различают «социальное неравенство» и неравенство по доступу к гражданским ресурсам. Для них «быть богатым» означает и правовое неравенство. Гражданские нормы являются «привилегией» обеспеченных слоев населения. Однако элитизация права не означает в качестве последующего шага применение гражданских норм. Наоборот, чем более обеспечено население, тем в большей степени человек независим от гражданства. Иными словами, гражданские нормы промежуточны, они снижают риск нисходящей социальной мобильности, дают ощущение «достоинства», но совершенно бесполезны в инструментальных социальных отношениях или практиках социальной микросреды.

Автор подчеркивает, что гражданские нормы воспринимаются молодежью на уровне мотивированного поведения, социально фиксированных установок, их рациональность оценивается, однако, по стереотипной модели. Такой когнитивный диссонанс приводит к расщеплению смысла гражданских норм, которые представляются эквивалентом демократических ценностей, с одной стороны, и удовлетворение избранных целей - с другой. Молодые россияне позитивно воспринимают гражданские нормы, как гарант безопасности, достоинства и независимости личности, но так как стереотипное социальное поведение складывалось на опыте осмысления социальных норм и их замещении конвенциональными соглашениями, девальвируются гражданские нормы по причине «однократного истолкования» как гарантии прав личности, не выявляются, как обязательные.

Здесь дело не в индивидуализме молодежи, который будучи установкой на то, чтобы действовать самостоятельно, не побуждает к ассоциативности, взаимодействию. Можно предположить, что молодые люди не удовлетворены реализацией гражданских норм в российском обществе. Они формируют свои стереотипные установки, исходя из «селективности» норм, из опоры на то, что они не являются субъектами партнерства. Поэтому ассоциативность выражается в укреплении сетевых отношений, позиций неформальных альянсов, в которых жестко структурированные усилия замещаются критериями совместных практик. Гражданские нормы вызывают к долгу, постоянству, но при этом не создают ощущения «комфорта» и безопасности.

Скорее всего респонденты понимают, что в сфере повседневной жизни действуют нормы, адаптированные к их групповым или личным интересам. Стимулирование общества к самосознанию, о котором говорится как о возможном варианте редуцирования институциональной повторимости (историческая державная модель – слабость гражданского общества)¹⁴, может иметь значение для политических знаний. Но молодежь, которая десубъективизирована в политической сфере, воспринимает нормы социальных сетей, социальной микросреды, как адекватно ориентированные на ее жизненные планы и, главное, ее социально-статусные притязания. Особенность этих норм состоит в их гибкости, производности от конкретных позиций и прагматики, возможности варьирования при подборе способов осуществления целей.

Возможно, уход в нормы социальных сетей означает и кризис поколений, т.е. переход к ценностям успеха способствует разрыву символических связей, и молодежь рассчитывает на помощь родителей или близких, не устанавливая отношения доверия между поколениями. Конечно, срывает характерный для традиционного общества комплекс «родительской опеки», и по мере использования указанного механизма поддержки, молодежь все чаще сталкивается с недостаточностью личных ресурсов. Представленная когорта «счастливчиков» только поддерживает устойчивую тенденцию сближения молодежи с базисными социальными слоями¹⁵. С дистанцированием от социального порядка уменьшается репутация молодежи как группы, наиболее адаптированной к трансформационным сдвигам внутри российского общества.

В параграфе 4.3 «Неформальный социальный капитал: влияние на гражданские установки российской молодежи» рассматриваются значение и влияние неформального социального капитала, продуцируемого в социальной микросреде на позиции и поведение российской молодежи.

В российском обществе неэффективность формальных норм компенсируется обилием и разнообразием неформальных отношений. Жизненные ориентации молодежи в условиях дефицита институциональных ресурсов и сложности доступа к ним могут реализовываться преимущественно через теневые социальные практики. Неформальный социальный капитал, социальная помощь, полезные знакомства и связи, «блат» играют существенную, а часть и главенствующую роль в решении проблем трудоустройства, хорошей работы и контактов с законом.

На взгляд автора, именно неформальный социальный капитал является проявлением парадоксальности позиций молодежи, которая не удовлетворена своими социально-статусными и социально-престижными показателями, испытывает беспокойство

¹⁴ Пути России: существующие ограничения и возможные варианты. М., 2004. С. 94.

¹⁵ Куда идет Россия? Власть, общество, личность. М., 2000. С. 442.

и изменения по поводу ущемления личных прав, но практически не демонстрирует активности и инициативы в отстаивании своих интересов. Неформальный социальный капитал в российском обществе принято считать «заложником» недостаточной социальной ресурсообеспеченности различных слоев и социальных групп, однако неформальные связи чаще используются представителями обеспеченных слоев населения, нежели необеспеченными и бедными. Не составляет исключения и российская молодежь, которая дифференцируется по доступности к неформальному социальному капиталу. Готовность к его принятию и использованию, однако не означает, что молодые люди включаются в социальные негативные или неправовые практики.

Автор диссертации предполагает, что социальный капитал, представленный в виде современных правовых норм, менее «привлекателен», чем неформальный социальный капитал, который ассоциируется с существовавшими в советский период административными нормами. Дело в том, что в неформальных социальных отношениях, и административных нормах содержится «произвольность» и «субъективность», их определение зависит от доверительных отношений между их представителями и клиентами. Так, в контроле правовых норм не заинтересованы ни государство, или, по крайней мере, его аппарат, ни мезоакторы, которые привыкли действовать по выбору, а не по правилам. С другой стороны, молодые россияне признают, что неравенство в использовании и влиянии формальных норм связано с определенной правовой культурой и знаниями.

Неформальный социальный капитал ориентирует молодежь на общение по критерию полезности или родства. Это, с одной стороны, снимает межпоколенческие барьеры, а с другой – не способствует росту социальной ангажированности молодежи, которой безразлично, что думают «другие», если это не представляет практического интереса. Молодежь называют группой социального риска, но такие позиции продиктованы изучением той части молодежи, которая уверена в минимизации рисков, либо ей «уже все равно». 40% молодых людей проявляют определенность во всем, а 36% разделяют позицию «не знаю» при выборе варианта трудоустройства и только 24% избирают равенство шансов на успех и неудачу¹⁶.

Подобная градация молодежи показывает, что молодежь либо находится в неопределенности, либо стремится к определенности, но треть тех, кто хотел бы жить в неопределенности отношений, невысока (каждый пятый). Таким образом, молодые люди используют неформальный социальный капитал для уменьшения неопределенности. На их взгляд, легитимный социальный капитал, во-первых, трудно достижим, во-вторых, не дает никаких оснований для стабильности, стремления устроиться с помощью полезных знакомств или поддержки близких. Молодые люди, которые устроились «по знакомству», чувствуют себя на работе гораздо увереннее, чем тот, кто попал по конкурсу, поскольку при организационных и кадровых реорганизациях руководство готово «жертвовать» теми, кого можно заменить в случае нового найма, а работающие по знакомству обеспечивают поддержку «высших покровителей» и всегда могут быть использованы в воспроизводстве неформальных отношений.

Обосновано, что неформальный социальный капитал в восприятии российской молодежи оценивается как стабильный социальный ресурс. Действуя в условиях недоверия к государственным и гражданским институтам, неэффективности правовых (фор-

¹⁶Актуальные проблемы образования М, 2001 С 161

мальных) норм, молодые россияне ориентированы на социальную микросреду, видят в полезных знакомствах больший гарант, чем в использовании своих гражданских прав. Правовые нормы основываются на образовании, профессиональной занятости, полезные знакомства, во-первых, возобновляемы, во-вторых, достигаются при помощи определенных коммуникативных навыков и в отличие от формальных норм не несут обязанности доверять. Ведь каждый третий молодой россиянин считает, что нельзя доверять никому. Тем не менее прагматизм предпочтений полезных знакомств в основе способа достижения жизненных целей более надежен, чем включение правовых механизмов и соблюдение гражданской позиции.

Возможность использования неформального социального капитала не только снижает готовность к повышению образовательного и профессионального статусов, но и делает избыточной социальную инициативу молодежи, укрепляет индивидуализм и открыто действует на потребность в совместных социальных практиках. Пользование неформальным социальным капиталом имеет индивидуальный и коллективный адресаты.

Согласно позиции диссертанта, молодые россияне прежде всего обращаются к социальным ресурсам, которые предназначены для индивидуального потребления. В этом признаются 60% респондентов. Но молодежь, которая уверена в себе, охотно соглашается с коллективным использованием, если при этом сохраняются индивидуальные и не возникают совместные обязательства. К таким формам коллективного пользования относятся бизнес-проекты в сфере информационных технологий, совместные пиар-акции, молодежные тусовки. Неформальный социальный капитал продуцируется внутри молодежной среды и дает ощущение самостоятельности, но в то же время он усиливает зависимость от «произвола» или случайности, привязан к снижению неопределенности за счет сужения социального интереса.

Казалось бы, неформальный социальный капитал возмещает дефицит доверия к официальным структурам, сохраняя доверительность отношений на социальном микроуровне. Но, на наш взгляд, молодые россияне стараются демонстрировать уверенность в себе как осознание того, что нельзя полностью доверять и ближнему, и знакомому. Молодые россияне считают, что им не обязательно быть патриотами, радетелями общественного престижа, потому что этого не наблюдается в поведении элит, тех, кто по идеальному варианту обязан заботиться обо всех.

Таким образом, неформальный социальный капитал в состоянии преодолеть социальную апатию, но не в той степени и не в той направленности, чтобы говорить о социальной капитализации молодежи.

В **Заключении** диссертации подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы, определяются перспективы теоретического осмысления роста социального капитала молодежи в российском обществе.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ИЗЛОЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ.

Монографии, брошюры

- 1 Кротов Д В Политическая безопасность России проблемы обеспечения в Южном федеральном округе / Под редакцией В В Черноуса / Ростов н/Д Изд-во СКНЦ ВШ 2002 -5,5 п л
- 2 Кротов Д В Социальный капитал российской молодежи монография/- Ростов н/Д Изд-во ЮФУ, 2009 - 8 п л

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и образования РФ

- 3 Кротов Д В Стратегия молодежной политики в Ростовской области проблемы и пути реализации// Социально-гуманитарные знания 2006 - 0,5 п л
- 4 Кротов Д В , Беликов А Б Социальное самочувствие российской молодежи проблема территориальной стратификации // Научная мысль Кавказа Дополнительный выпуск 2006 - 0,3 п л
- 5 Кротов Д В Концепт социального капитала в системе социологического знания// Научная мысль Кавказа Дополнительный выпуск 2 2006 - 0,5 п л
- 6 Кротов Д В, Гуськов И А Социальная зависимость в контексте социальной трансформации Научная мысль Кавказа Дополнительный выпуск 2 2006 - 0,3 п л
- 7 Кротов Д В , Котова Т А Молодежь в образовательном пространстве Южнороссийского региона / Социально-гуманитарные знания Дополнительный выпуск 2006 - 0,5 п л
- 8 Кротов Д В Социальный капитал как основа развития общества // Социально-гуманитарные знания 2007 № 12 - 0,5 п л
- 9 Кротов Д В Идеологические ценности молодежи // Социально-гуманитарные знания 2008 № 8 - 0,5 п л
- 10 Кротов Д В Социальный капитал как критерий развития общества // Гуманитарные и социально-экономические науки 2008 № 1 -0,5 п л
- 11 Кротов Д В Гражданские и нормы социальных сетей в формировании социального капитала российской молодежи //Известия высших учебных заведений Северо-Кавказский регион, общественные науки, спецвыпуск, 2008 - 0,5 п л
- 12 Кротов Д В, Гуськов И А , Васильева Е О Особенности формирования и функционирования социального капитала в российском обществе//Известия высших учебных заведений Северо-Кавказский регион, общественные науки, спецвыпуск 2008 - 0,5 п л
- 13 Кротов Д В Структура социального капитала и ее социальная ресурсообеспеченность // Гуманитарные и социально-экономические науки 2008 № 2 -0,5 п л

Статьи

- 14 Кротов Д В Безопасность на Северном Кавказе как основа развития и взаимодействия в регионе // Материалы российской конференции «Кавказский регион проблемы культурного развития и взаимодействия», РГУ, Ростов-на-Дону, 2000 - 0,2 п л
- 15 Кротов Д В Мониторинг как важнейшая составляющая национальной безопасности в полиэтническом регионе // Проблемы региональной безопасности и регио-

- нального экономического развития в условиях дифференцированной этнокультурной среды Доклады и сообщения на международной научно-практической конференции Июнь 2000 г /Отв Ред В Г Игнатов -Ростов н/Д СКАГС, 2000 -0,3 п л
- 16 Кротов Д В Конфликтогенные факторы национальной безопасности России в северо-кавказском регионе // Современные проблемы национальной безопасности России в XXI веке с миром и согласием Доклады и сообщения на международной научно-практической конференции Ноябрь 2000 г /Отв ред П П Баранов -Ростов н/Д РЮИ, 2000 0,2 п л
  - 17 Кротов Д В Проблемы национальной безопасности России в ЮФО (правовой аспект) // Становление нового социального порядка в России Материалы Первой Всероссийской межвузовской научной конференции, 11-12 ноября 2000 г – Краснодар КЮИ МВД России, 2000 -0,2 п л
  - 18 Кротов Д В Региональная безопасность Северного Кавказа в условиях становления федерализма в России // Россия-Германия проблемы федерализма (политологический сборник)/ Отв ред Ю Г Волков, У Китлер Ростов-на-Дону Изд-во Ростовского ун-та 2001 0,3 п л
  - 19 Regionale Sicherheit im Norkaukasus und das werden des federalismus in Russland // Russland – Deutschland Die Problemen des Federalismus (Politologischer Sammelband) / verantwortliche Redakteure Yu G Wolkow U Kittler – Rostow am Don Verlag der Rostower Universitat 2001 -0,3 п л
  - 20 Кротов Д В Укрепление вертикали власти как фактор политической стабильности на Юге России //Вертикаль власти проблемы оптимизации взаимодействия федерального, регионального и местного уровней власти в современно России (Доклады и сообщения на международной конференции Июнь 2001 г) Вып 4 Отв ред В Г Игнатова –Ростов -на- Дону Изд-во СКАГС, 2001 – 0,2 п л
  - 21 Кротов Д В Проблемы обеспечения политической безопасности России // Актуальные проблемы современного российского общества и государства Тезисы докладов и сообщений на научно - практической конференции молодых ученых СКАГС Октябрь 2001 г / Отв Ред В Г Игнатов Ростов н/Д СКАГС 2001 148 - 0,5 п л
  - 22 Кротов Д В Формирование новой российской государственности и политическая безопасность страны // Пути формирования гражданского общества в полиэтничном южнороссийском регионе Отв ред А В Белоконь Ростов-на-Дону Изд РГУ 2001 – 0,5 п л
  - 23 Кротов Д В Геополитика и безопасность Юга России // Современные проблемы Кавказа Южнороссийское обозрение Вып 5 Отв редактор В В Черноус – Ростов – на Дону Издательство СКНЦ ВШ, 2001 – 0,5 п л
  - 24 Кротов Д В Политическая безопасность на Юге России // Регионоведение (Юг России краткий тематический словарь) /Под общей ред Ю Г Волкова, А В Попова – Ростов н/Д Изд-во СКНЦ ВШ, 2003 -0,3 п л
  - 25 Кротов Д В Молодежные общественные организации // Регионоведение (Юг России краткий тематический словарь) /Под общей ред Ю Г Волкова, А В Попова – Ростов н/Д Изд-во СКНЦ ВШ, 2003 -0,3 п л
  - 26 Кротов Д В Молодежная политика как фактор национальной безопасности Российской Федерации // Роль идеологии в трансформационных процессах в России

- общенациональный и региональный аспекты Сборник материалов международной научной конференции 20-21 апреля 2006 г ЧЗ Ростов-на-Дону 2006 -0,3 п л
- 27 Кротов Д В Студенческое самоуправление // Колл монография –Ростов н/Д, 2004 -4,2 п л (авт доля 2,74 п л)
  - 28 Кротов Д В Лидер Методические рекомендации для специалистов органов по делам молодежи и лидеров общественных молодежных организаций // Колл монография –Ростов н/Д, 2004 - 1,3 п л авт доля 0,65 п л
  - 29 Кротов Д В Профилактика негативных явлений в молодежной среде// Колл монография –Ростов н/Д, 2004 - 3,4 п л (авт доля 1,3 п л)
  - 30 Кротов Д В Ксенофобия вызовы социальной безопасности на Юге России // Колл монография Отв Редактор Ю Г Волков –Ростов н/Д Изд-во СКНЦ ВШ, 2004 - 5,5 п л (авт доля 1,6 п л)
  - 31 Кротов Д В Молодой рабочий Методические рекомендации для специалистов органов по делам молодежи и лидеров общественных молодежных организаций // –Ростов н/Д, 2007 - 1,3 п л (авт доля 0,4 п л)
  - 32 Кротов Д В Интерклуб Методические рекомендации для специалистов органов по делам молодежи и лидеров общественных молодежных организаций // Колл монография –Ростов н/Д, 2007 - 1,3 п л (авт доля 0,4 п л)
  - 33 Кротов Д В Волонтер Методические рекомендации для специалистов органов по делам молодежи и лидеров общественных молодежных организаций // Колл монография –Ростов н/Д, 2007 - 1,3 п л (авт доля 0,4 п л)
  - 34 Кротов Д В Социальные службы для молодежи - основы деятельности Методические рекомендации для специалистов органов по делам молодежи и лидеров общественных молодежных организаций // Колл монография –Ростов н/Д, 2007 - 3,5 п л (авт доля 1,3 п л)
  - 35 Кротов Д В Социальные службы для молодежи – военно - патриотическая работа Методические рекомендации для специалистов органов по делам молодежи и лидеров общественных молодежных организаций // Колл монография –Ростов н/Д, 2007 - 3,5 п л (авт доля 1,3 п л)
  - 36 Кротов Д В Социальные службы для молодежи – работа с молодыми семьями Методические рекомендации для специалистов органов по делам молодежи и лидеров общественных молодежных организаций // Колл монография –Ростов н/Д, 2007 - 3,5 п л (авт доля 1,3 п л)
  - 37 Кротов Д В Социальные службы для молодежи – правовое информирование Методические рекомендации для специалистов органов по делам молодежи и лидеров общественных молодежных организаций // Колл монография –Ростов н/Д, 2007 - 3,5 п л (авт доля 1,3 п л)
  - 38 Кротов Д В Социальные службы для молодежи – волонтерская деятельность Методические рекомендации для специалистов органов по делам молодежи и лидеров общественных молодежных организаций // Колл монография –Ростов н/Д, 2007 - 3,5 п л (авт доля 1,3 п л)
  - 39 Кротов Д В Социальное доверие в системе социального взаимодействия российской молодежи //Доклады межрегиональной конференции молодых ученых «Молодежь Инновации Будущее» –Ростов н/Д, 2007 -1,3 п л

Сдано в набор 25 08 2009 Подписано в печать 25 08 2009

Формат 60х84/16

Печать офсетная, гарнитура Times New Roman

Тираж 100 экз Заказ № 398

Отпечатано ООО «Антей»

344037, г Ростов-на-Дону, 24 линия, 20